

новенькие форменные костюмы мальчиков и платьища девочек, беспокоились, тепло ли будет в них зимой. Уютом дышали раскаленные печи, Маленькие врангелевцы разглядывали большую географическую карту, книги, тетради, пробовали острие карандаша на чистом белом поле бумаги. Малыши с гордостью уселись за парты. Зима обещала быть еще более интересной, чем минувшая осень.

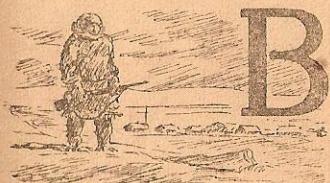
А когда настала весна, полярники разобрали старый дом Ушакова, стоящий на «юру», и перенесли его вниз, где рядом с домом рации скоро выросло здание школы интерната. Две комнаты отвели под классы, одну под столовую, в двух разместились спальни, в угловой комнате поселился учитель, а самая большая комната, выходившая окнами на море, получила название зала. Здесь ребяташки отдыхали, устраивали свои торжественные заседания, вечера самодеятельности. Женщины поселка все свое уменье вложили в оборудование нового помещения.

На противоположном конце поселка одновременно вырастал дом для промышленников, живших раньше в доме Ушакова. В строительстве принимали участие и взрослые и дети: кто помогал подтаскивать бревна, кто конопатил щели — всякому находилось дело по силе и уменью. Зато дом сразу стал «своим» для тех, кому посчастливилось поселиться в его комнатах.

В летописи острова открылась новая страница.

ГЛАВА XVI

ТАЯН—ХОЗЯИН ФАКТОРИИ (1936—1937)

В

1936 году на острове Врангеля возникла комсомольская организация. Она насчитывала всего пять человек. Комсогром был Коля Мордвинов — бригадир группы строителей.

По указанию парторга Казанского, молчание взяла на себя заботу о том, чтобы на зимовке люди не скучали. Скука на севере входит в человека незаметно, исподволь в короткие мгновения раздумья ночью, или под вой пурги, или в какой-то неуловимый миг после прочитанной книги, когда шумный мир Большой Земли, ворвавшийся в тишину далекого заходустья гулом человеческих голосов, яркими красками солнечного ландшафта, вдруг покидает вас. Так бывает с человеком, когда захлопнется позади него дверь, ведущая в шумный зал, и внезапная тишина примет его в свои объятия. Короткий зимний день — сумерки. За окном пусто и бело. Круг людей, в общении с которыми таится живое начало духовного роста человека, ничтожно мал. Нужно не только самому постоянно держать в напряжении собственную душевную энергию, но во-время пойти навстречу товарищу, ослабевшему духом.

Семья эскимоса Таяна.

Особенно трудно человеку в полярную ночь. Чем нетерпеливее человек, тем сильнее и скорее зреет в нем бунт против скучно очерченного мраком светлого круга, в центре которого только ты, да лампа, да твои мысли, похожие на птицу в клетке.

Холод... Стужа... До какого-то предела мороз вливает в ваши жилы вондрость. Но в постоянной борьбе с холодом нет-нет, да и зародится усталость, жажда покоя, а с нею и тоска, которую сначала не замечаешь, а заметив, скажешь: «Скучно что-то...»

Вот этим спутникам полярной зимовки комсомольцы острова объявили войну. Возникли кружки самодеятельности, струнный, общеобразовательный, стрелковый. По вечерам в новой кают-компании звенели веселые голоса.

Кто-то случайно остановился у книжных полок, заметил порванные корешки любимых томов. Комсомольцы живо взялись за приведение библиотеки в порядок. Это был немалый труд — там любовно подклейте, там подшить, записать в инвентарный список. Много вечеров комсомольская бригада провела в заветном углу, пока в один совсем обычный день не пришла совсем обычная телеграмма.

В Архангельске, Мурманске, Владивостоке ежегодно пароходы

принимают горючее для далёких северных окраин. Горы железных бочек укладываются на дно глубоких трюмов, на верхних палубах. Из года в год пароходы, оставив горючее в местах назначения, идут в родной порт порожняком. А зимовья обрастают баррикадами пустых бочек.

И вот пришла телеграмма: «Отправить тару на материк обратным рейсом парохода».

Из самых сокровенных уголков комсомольцы извлекали заваленные снегом тяжелые бочки, выкатывали их к причалу, готовили к дальнейшей навигации. Весною будет не до этого. Весна принесет свои заботы.

Но самым главным в жизни комсомольцев острова, как и в жизни партийной организации, была работа с живыми людьми. Эта работа не была регламентирована, да и не могла быть скована отметкой от сих до сих пор.

Молодые эскимосы с огромным интересом следили за всем, что происходило на станции. С каким вниманием слушали эти юноши и девушки рассказы комсомольцев о том, как живет, работает, учится молодежь на Большой Земле!

На открытые комсомольские собрания собирались почти все молодые охотники. Закрытые собрания, окруженные ореолом тайны, еще больше возвышали комсомольцев в глазах Тамары, Таяна, Нанауна, Коли Попова и других завсегдатаев молодежных вечеров. Чем лучше постигал Нанаун тайну мотора, изучая его устройство, чем быстрее двигалась рука Тамары на радиоключе, тем больше увлекался Коля Попов чтением книг, тем теснее становилась их дружба с комсомольцами полярной станции.

«Сегодня у нас на станции — знаменательный день. Сегодня принимали в комсомол Нанауна...» — писал в своем дневнике Громов.

Когда Нанауну предоставили слово, он медленно встал и тихо заговорил о своей жизни.

— Я из бухты Провидения. Когда маленький был, плохо жил... Род в голодные годы, поэтому мало рос, мало здоровый был... Но тут на острове стал быстрее расти, мало-мало поправился. Наверное, лучше кормился... Охоту начал, когда умилек Минеев был. Первая охота плохой была, совсем плохой... Потом немножко научился, стал лучше охотиться. Теперь большевики и Сталин создали хорошую, очень хорошую жизнь... Я тоже могу помогать делать хорошую жизнь. Поэтому хочу комсомольцем стать, еще лучше охотиться...

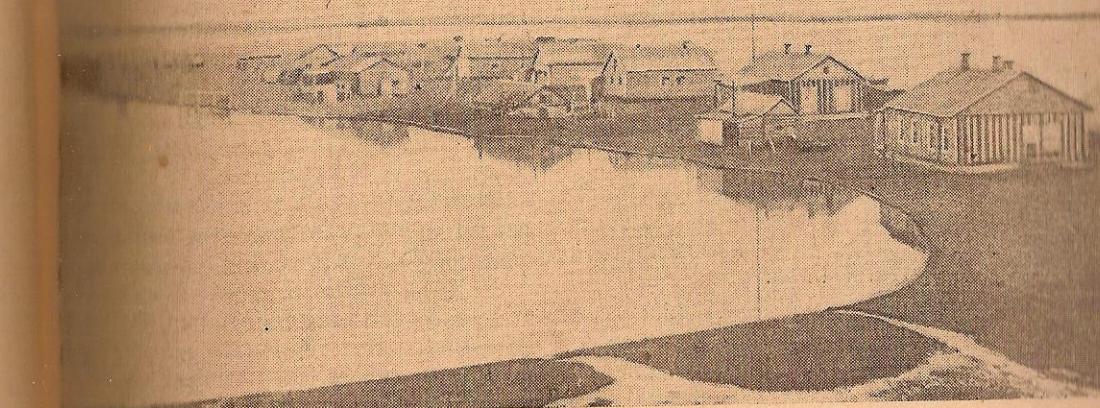
Говорил Нанаун с трудом, с большими паузами. Крупные капли пота выступали на его лбу. Но глаза его светились.

— Кто хочет сказать о Нанауне? — спросил председатель.

— Хуанга! (Я!) — откликнулся голос справа.

— Говори, Паля.

— У Нанауна уши открытые. Что слышит он, все понимает и исполняет, — горячо сказал старейший охотник-эскимос. — Он много знает. Глаза его видят везде. Он — хороший молодой охотник, много работает, часто ездит в море и по капканам. Очень большая семья у Нанауна, но всегда все сыты, обуты и одеты. Нанаун помогает ста-

Поселок в бухте Роджерс. 1940 г.

рым охотникам, учит читать и писать. Очень, очень хороший человек Нанаун...

Когда Паля кончил говорить, он посмотрел кругом, как бы призывая собравшихся поддержать его.

Все единодушно говорили, что Нанаун — хороший хозяин, что у него — лучшая упряжка, что он не боится ходить один на один на медведя. Рассказывали о том, как в полуторме одинокой юрты в бухте Сомнительной он вечерами сидит у тусклого, скрупульно освещенного светильника, учится сам и учит других.

Эскимос Нанаун единодушно был принят в комсомол.

Вскоре Тамара и Коля Попов также вступили в комсомол. Тамара по душе пришла работа пионервожатой. Нередко Тамара усаживала вокруг себя ребятишек и рассказывала им о том, что успела усвоить сама, о людях и делах Большой Земли, о Москве.

На одном из собраний комсомольцы постановили: подготовить Тамару своими силами и направить ее в Москву на курсы радиооператоров. Это ей казалось неосуществимым. Она не могла понять, как это она — и вдруг в Москве!

Коля Попов был двумя-тремя годами старше Тамары. Ростом, со

смуглым лицом, на котором тепло светились хорошие карие глаза, он невольно привлекал к себе общее внимание. Коля мечтатель, он часто задумывался о чем-то своем, любил слушать чтение вслух. Ему казалось, что быть учителем — это самое важное в жизни. И Коле тоже очень хотелось попасть на материки, в Москву.

Бедный юноша! Он не знал еще, при каких обстоятельствах суждено ему побывать в великом городе и не увидеть ни Кремля, ни места, где лежит Ленин.

...В свободные часы на станции велась разнообразная учеба. Таян готовился к выполнению обязанностей заведующего факторией.

— Нет, Кибизов, ты мне покажи, как лучше снять шкурку с пещера... Ты же учился этому. А я вот не учился, а лучше делаю. Смотри...

И Таян быстро снимал пушистую шкурку. Он все делал хорошо, все удавалось ему. Стремление быть первым неотступно владело им, но он не был завистлив.

В кругу новых вещей и понятий Таян чувствовал себя учеником. Вот этот сорт ткани дороже этого. А чем же он лучше? Почему такая безделица, как маленький носовой батистовый платок, стоит дороже, чем метр добротной бязи.

Порой было трудно направлять в одно русло его бесчисленные, бегущие по разным направлениям мысли. Таян много думал. Иной раз он уставал физически от этой работы. Тогда он вдруг собирался в объезд капканов или отправлялся в гости на другой конец острова.

Он любил, выйдя на гладкий наст или лед, пустить собак во всю прыть. На полном ходу Таян ловко соскачивал с нарты, улюлокая, бежал за мчавшейся сворой, так же легко на ходу ступал одной ногой на полоз, ни на минуту не выпуская из рук остола. Здесь, в тундре, сам друг с винтовкой и собаками, он вновь обретал уверенность в себе.

Настал день, когда Таян, наконец, почувствовал себя хозяином фактории. Ему все стало знакомым: каждый гвоздь, каждая папуша табаку. Он отпускал товар, уверенно подсчитывал его стоимость, записывал приход и расход, внешне оставаясь спокойным. Только блеск темных, чуть прищуренных глаз выдавал его: он был горд собою, он понимал, что не зря прошли для него эти месяцы.

Иной раз он был непрочь и похвастаться: вот, мол, я какой, все могу; пожалуй, не меньше твоего знаю. Но Казанский или кто-нибудь из зимовщиков одним как бы невзначай брошенным вопросомставил его в тупик, заставляя вновь ломать голову над непонятным, спрашивать, допытываться.

Чудесной способностью обладал Таян: все новое восхищало его настолько, что он, преодолевая смущение, сразу как бы превращался в школьника, стремящегося во что бы то ни стало овладеть этим новым.

Правда, иной раз, после долгой и зудушевной беседы или чтения вслух вечером, Таян появлялся наутро на станции навеселе.

— Друг, пойдем выпьем. Хороший нынче у меня спирт, крепкий.

Если друг отказывался, Таян уходил обиженный, долго не мог успокоиться, переживал отказ, как пренебрежение к себе. А выспавшись, брался за любое дело с еще большим азартом, со страстью, не вынося лишь одного: упрека или напоминания о вчерашнем. Так постепенно рос человек, расширялся горизонт его стремлений, подчас не укладывающихся в привычные ему формы.

— Скажи, Лена, — спросил однажды Таян Громова, сколько лет ты учился, чтобы инженером стать?

— Сколько? Порядочно. Лет этак четырнадцать.

— Четырнадцать?.. Лицо Таяна выразило недоумение.

— Зачем так долго? Потом, помолчав немного:

— Наверное, ты теперь все знаешь.

— Нет, Таян, такого человека нет, чтобы все знал.

— Как так?.. А Ленин?

— Ленин знал больше того, что дано знать обыкновенному человеку, но все-таки и он знал не все.

Таян ушел потрясенный.

В другой раз он зашел к Громову в тот момент, когда тот доводил на сукне петрографический шлиф. Рассматривая на свет прозрачную пластинку, Таян недоверчиво покачал головой:

— И это, ты говоришь, камень?

— Камень, Таян. Видишь вот этот кусок сланца?

— Как же, — обрадовался Таян, — я для тебя его отколол от скалы у Красного Флага.

— Ну, так вот из маленького обломка, взятого из этого камня, сделал этот шлиф. А теперь я покажу тебе его под микроскопом.

В этот вечер Таян долго не уходил из маленькой комнаты-лаборатории. Он проследил за всем процессом изготовления шлифа, сам попробовал работать на наждачном круге. А уходя, сказал:

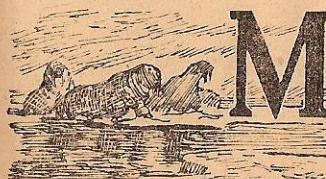
— Все-таки, Громов, четырнадцать лет учиться незачем, если все равно всего не узнаешь. Я вот за один вечер сколько узнал. Пожалуй, мне и половины времени хватит, чтобы выучиться и стать, как ты.

— Пожалуй, что так, — ответил серьезно Громов, — если... если ты только захочешь этого очень сильно.

Вася Анакуля — ученик школы-интерната.

ГЛАВА XVI
МАРШРУТЫ ГЕОЛОГА Л. В. ТРОМОВА (1936—1937)

ИНОВАЛА зима 1936/37 года. С первыми весенними днями, когда зачернели склоны гор, геолог Громов снова вышел в поле. Начиналось третье лето его странствий по острову.

К этому времени значительно уточнилась карта острова.

Мы уже писали, что первые сведения о строении острова принес Берри — капитан парохода «Роджерс», когда в поисках исчезнувшей «Жаннетты» он подошел в 1881 году к острову Врангеля. На схематической карте Берри показаны две параллельные цепи, вытянутые в широтном направлении по длиной оси острова, причем южная цепь, по мнению Берри, выше северной. Третья цепь, расположенная на границе северной тундры и гор, размыта на ряд разобщенных горных групп.

Для познания геологии острова эти первые исследования дали очень мало — лишь общие указания на наличие в скалах приуставой части реки Клер (Кларк) темных глинистых сланцев, а также гранитов, кварцитов и слюдистых сланцев в районе пика Берри.

Прошло тридцать лет. Студент-геолог Кириченко, плававший на ледоколе «Вайгач», обследовал берег в районе мыса Блоссом. Его записи и коллекции были впоследствии обработаны геологом И. П. Толмачевым, опубликовавшим в 1912 году заметку о геологическом строении острова. Это была первая попытка осветить строение Земли Врангеля, увязав между собою обрывки случайных наблюдений. И. П. Толмачев установил тождество пород, слагающих остров на востоке и западе, с породами северного побережья Чукотки. Он пришел к выводу, что остров Врангеля целиком сложен из сланцев триаса и представляет собою часть материка, отчлененную от последнего в результате тектонических процессов.

Период хозяйственания на острове иностранных хищников ничего не дал для науки.

В 1924 году над островом Врангеля впервые взвился советский флаг. Среди зимовщиков последующих лет не было специалиста-геолога. Но первый советский начальник колонии, Г. А. Ушаков, собрал геологическую коллекцию, изученную профессором П. В. Виттенбургом. В 1930 году в «Трудах Академии наук СССР» была опубликована заметка последнего «Об открытии верхнетриасовой фауны на Земле Врангеля».

Позднее А. И. Минееву удалось собрать коллекцию горных пород, но она не была обработана.

Геоморфолог В. П. Кальянов, участник экспедиции 1929 года на ледорезе «Литке», доставившем новую смену зимовщиков, проделал трехдневный маршрут в глубь острова от бухты Роджерс до реки

Клер. Погода не благоприятствовала исследователю, к тому же он был ограничен временем стоянки ледокола. Поэтому итогом его маршрута явилась лишь небольшая геоморфологическая статья, появившаяся только в 1934 году в «Трудах Государственного океанографического института».

Отрывочные сведения тех лет не давали цельной картины, и обобщения И. П. Толмачева, слабо подтвержденные фактами, попрежнему оставались гипотетическими.

В 1932 году летная экспедиция Всесоюзного арктического института под начальством С. В. Обручева сделала попытку закартировать остров с воздуха. В сборнике «Arctica»¹ в 1933 году были опубликованы статьи С. В. Обручева «К орографии острова Врангеля» и геодезиста той же экспедиции К. А. Салищева «Остров Врангеля и его карты». Статьи сопровождались картой масштаба 1 : 1 000 000.

Полет С. В. Обручева и К. А. Салищева от бухты Роджерс до мыса Гавай в восточной части острова был совершен при неблагоприятных условиях. Из-за тумана и низкой облачности им не удалось отчетливо осмотреть весь остров.

Обручев увидел не три, а две горные параллельные цепи, из которых южная, с наивысшей вершиной пиком Берри, была выше и короче северной. Салищев, использовав работы Минеева и распространенные сведения, собранные им у эскимосов и зимовщиков, уточнил конфигурацию рельефа и рек острова. Карта стала выглядеть по-новому.

В 1936 году появилась в печати статья В. И. Рынка, в которой делается попытка сопоставить геологическое строение острова Врангеля с соседними Аляской и Чукоткой.

Попрежнему оставались неизученными недра острова. По соседству ширилась добыча золота на Аляске. На Чукотском полуострове были обнаружены признаки олова и вольфрама. А остров Врангеля, советский форпост на крайнем северо-востоке Азии, все еще ждал своего часа.

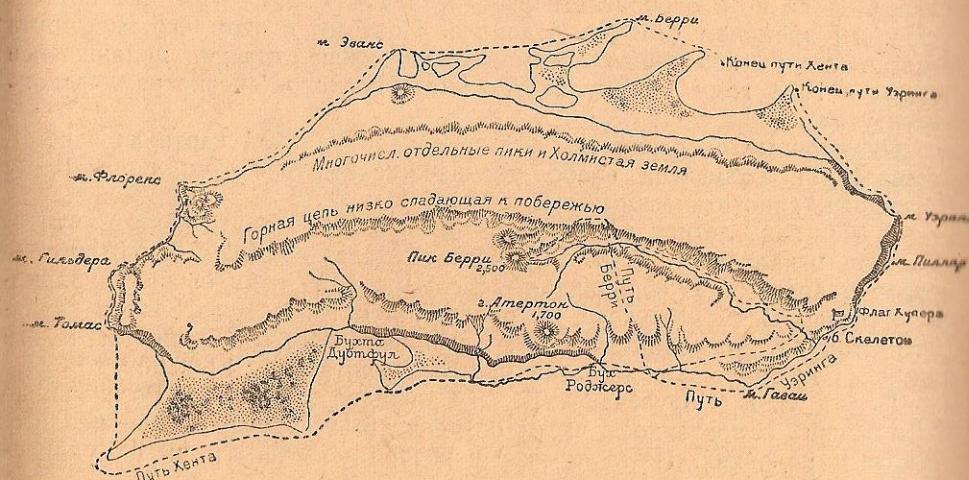
К августу 1937 года наблюдения Громова позволили уточнить главные черты строения внутренних частей острова.

Вот каким оказалось истинное строение острова и его облик.

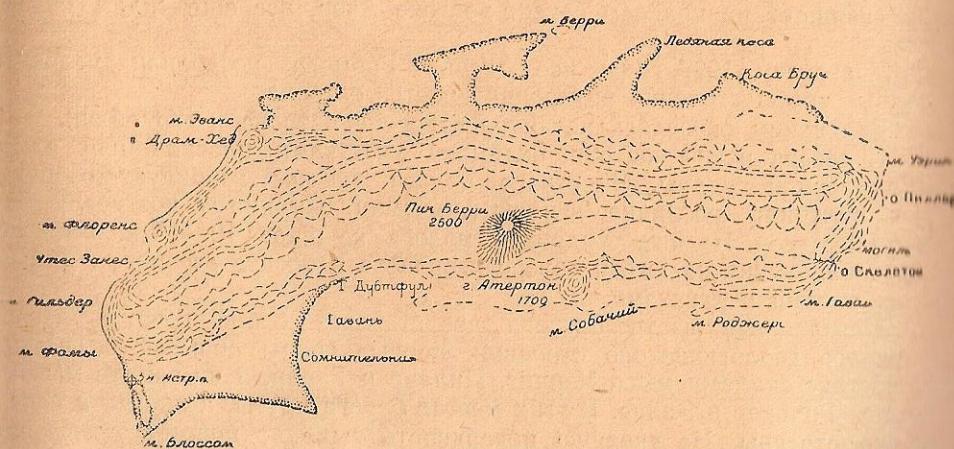
С севера и юга остров окаймлен участками плоской или слабо всхолмленной тундры. На севере полоса тундры изобилует озерами. Она получила название Тундры Академии. Ширина ее достигает 25—30 километров. На юге тундровая полоса не шире 12—15 километров. Береговая линия на юге и севере извилиста и богата длинными намывными косами и лагунами.

Центральная часть острова представляет собой горную страну сложного геологического строения. Горные гряды обрываются в море на востоке скалами мыса Уэлинг, Пиллар и Гавай, а на западе мысами Томас, Гильдер и Эванс. В этих местах берега круты, а иногда и совершенно отвесны. На дневную поверхность выходят породы, слагающие

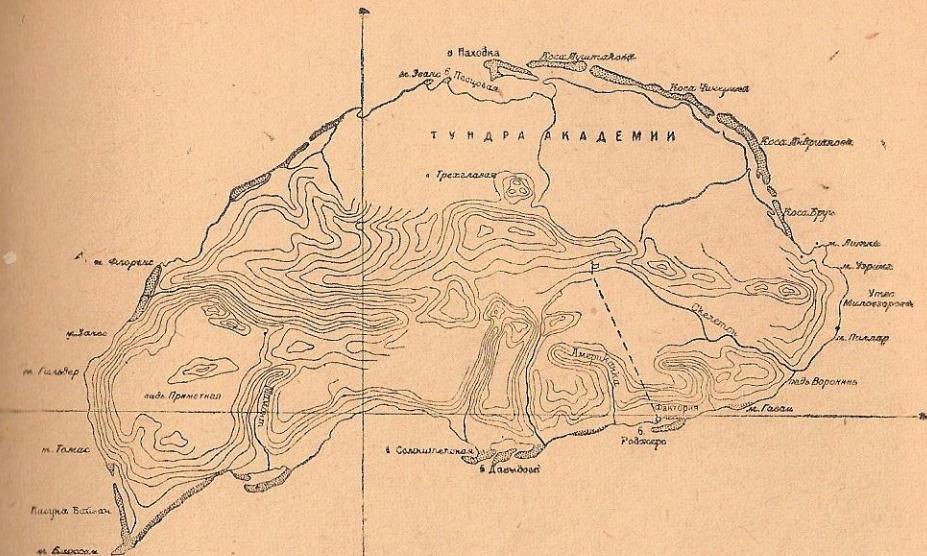
¹ Сборник «Arctica», Изд. Всесоюзного арктического института. Л., 1933, кн. 1.

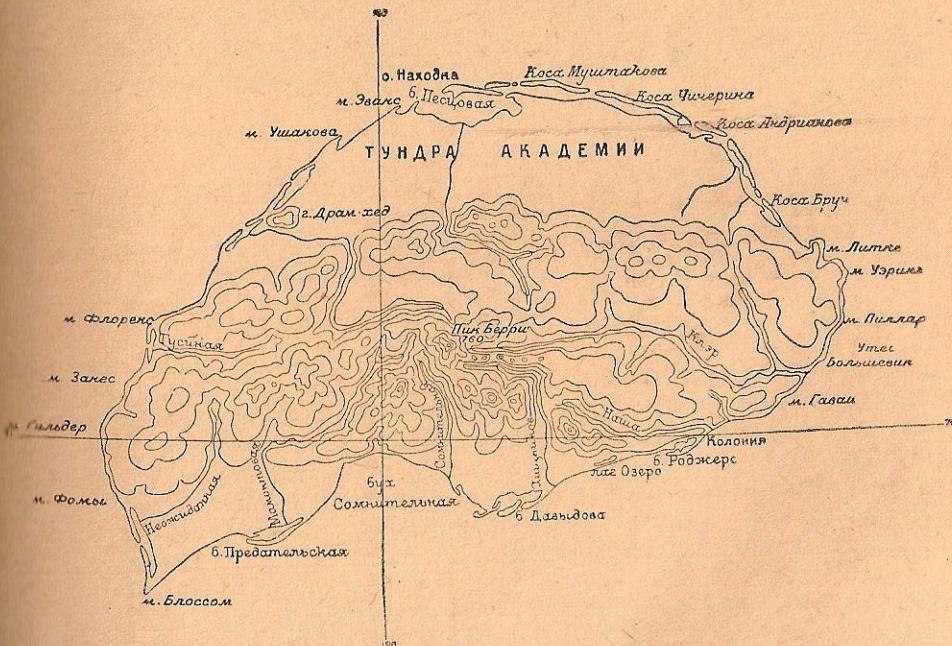
1881 г. Карта Берри.

1919 г. Карта составлена И. П. Толмачевым по наблюдениям экспедиции Северного Ледовитого океана на ледокольном пароходе «Вайгач».

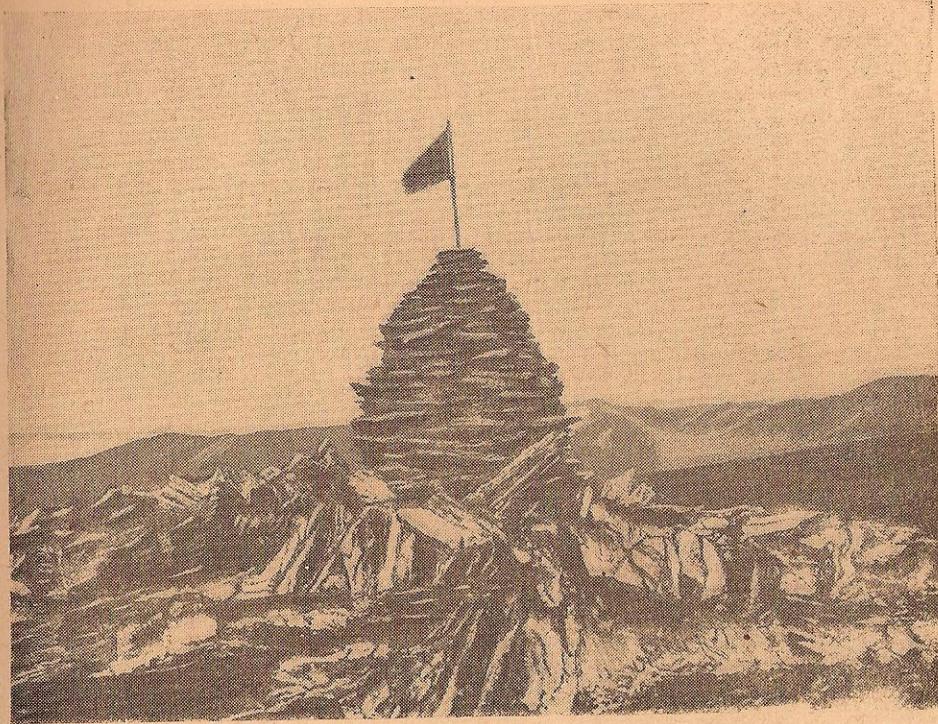
1950 г. Карта Г. А. Ушакова.

1933 г. Кашта К. А. Салищева, составленная на основании воздушной съемки, работ А. И. Минеева и рассмотренных сведений, собранных у эскимосов. Опубликована в сборнике „Arctica“ № 1, 1933.

1941 г. Современная карта острова, составленная Л. В. Громовым по материалам экспедиции 1938—1941 гг.

Каменная пирамида для наземной стереофотосъемки.

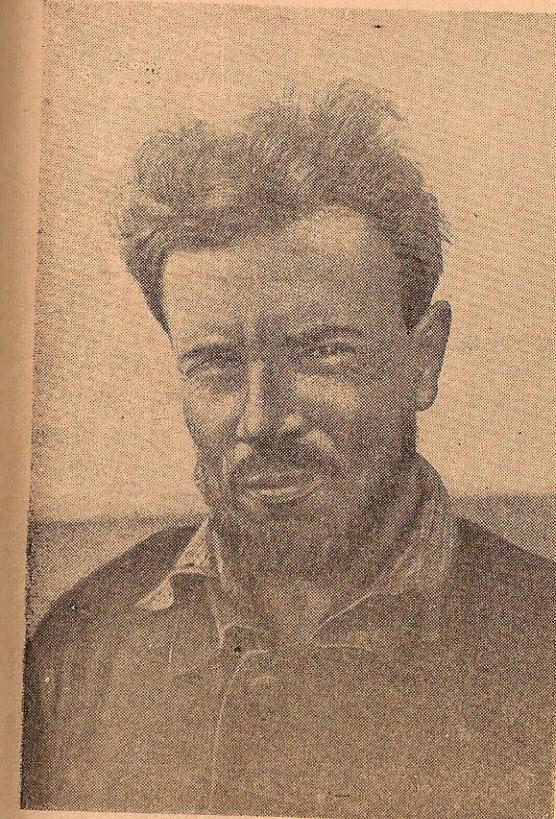
востов острова. Здесь можно видеть, как мощные толщи сланцев, известняков и песчаников смяты в сложные складки, местами разорванные сбросами. Иногда целые участки древних горных пород надвинуты один на другой. Сланцы пронизаны многочисленными кварцевыми и кальцитовыми жилами.

Общая площадь острова оказалась равной почти 8000 квадратных километров.

Горная часть острова, как правильно заметил Берри, представлена тремя параллельными горными грядами. Северная гряда большим количеством мелких рек, текущих на север, расчленена на целый ряд обособленных возвышенностей и увалов. Горы имеют округлые вершины и пологие склоны. Высота их не превышает 400 метров над уровнем моря. На северо-западе острова, на границе с Тундрой Академии, высятся приметная гора Драм-Хед. Ее вершина-конус видна издалека и служит хорошим ориентиром.

В средней части гряды выделяются массивные горы Кит и Гробница, а восточнее — гора Два Друга.

Южная гряда непрерывной полосой тянется от мыса Гавай к западу, где оканчивается горой Томас и высотами мыса Гильдер. Наи-

Леонид Васильевич Громов.

узлов, на востоке и западе переходящих в высокое плато, особенно отчетливо выраженное на востоке.

В истоках рек Хищников, Нашей и Клер располагается главный горный узел, получивший название Центральных гор. Эта наиболее недоступная часть острова представляет собой группу высоких гор, имеющих большей частью конусообразные вершины. Среди них особенно отчетливо выделяется пик Берри, однако не являющийся наивысшей вершиной острова, как это предполагали раньше. Наибольшую высоту имеет гора Советская, расположенная немного западнее. Ее высота 1097 метров. Высота пика Берри оказалась не 760, а 964 метра.

Центральные горы выше гор Южной гряды. В ясные дни Центральные горы поражают наблюдателя своей красотой. Над высоким их пьедесталом встают обнаженные вершины, то опоясанные на высоте 300—400 метров облаками, то отчетливо вырисовывающиеся на фоне неба каждой деталью своих контуров. Стремительный и строгий встает

большей высоты — около 1000 метров — Южная гряда достигает в средней своей части, между реками Мамонтовой и Хищников, где горы носят название Сомнительных. Их высокие куполовидные вершины, большую часть года покрытые снегом, горделиво возвышаются над узкой полосой южной тундры. Лишь в редкие ясные дни они выступают на фоне неба во всем своем величии. Обычно они бывают закрыты облаками. Зимой они непрступны. Подходы к высоким и крутым перевалам бывают забиты снегом. К востоку от реки Хищников, в пределах Южной гряды, выделяется плато с приметной трехглавой горой Атертона, расположенной немного западнее поселка в бухте Роджерс.

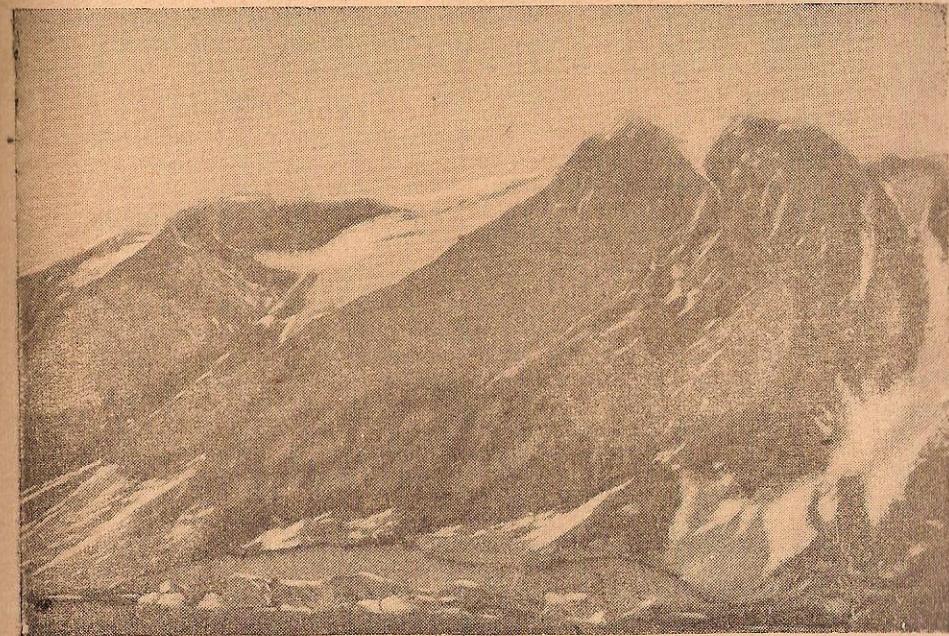
Между Северной и Южной грядой самая центральная часть острова занята Срединной грядой, расчлененной на ряд горных

над туманными ущельями пик Берри¹. Его вершина видна почти ото всюду. Она невольно привлекает к себе взгляд. Расположенные вблизи нее конусовидные вершины схожи с нею по своим очертаниям, но ниже и менее грандиозны.

Центральные горы почти в буквальном смысле этого слова «делают погоду» на острове. Горные гряды стоят на пути туманов, идущих с моря. Нередко на южной или северной стороне гор идут дожди или метет пурга, а на противоположном склоне стоит ясная погода. Воздушные массы, перевалив через высокие седловины, обрушаиваются в долины ветрами необычайной силы. Вихри зарождаются в устьевых частях узких ущелий. Поэтому в течение одного дня путник на протяжении всего каких-нибудь 60—80 километров своего пути может встретить и солнце, и дождь, и пургу, и короткое затишье.

Если посмотреть на запад с какой-нибудь окраинной вершиной Центральных гор, незабываемая картина встает перед наблюдателем. За массивом Инкали, играющим роль второстепенного горного узла, за долиной реки Мамонтовой высится группа Мамонтовых гор. Более подходящего названия, пожалуй, не придумать для них. Массивные кряжи, более пологие к югу и круто обрывающиеся к северо-западу, необычайно

¹ Пик Берри местное население называет «Сахарная голова», так как по своей форме он напоминает голову сахара рафинада.

Складчатость в обрывах восточного берега.

напоминают стадо уснувших мамонтов, как бы склонившихся перед студеным дыханием севера. Именно в таком положении увековечен Березовский мамонт в музее Академии наук.

На закате багровые отблески ложатся на горы, и чудится, что очертания их меняются, будто стадо исполинских животных приходит в движение. В сумерках это впечатление еще более усиливается. Клубящийся туман окутывает дали. Тают и возникают призрачные фигуры. Черные силуэты гор то выступают из тумана, то снова становятся невидимыми — они как будто живут своей особенной, таинственной жизнью.

Невольно робея, одинокий путник идет к своему ночлегу, сопровождаемый немолчными шорохами горных ущелий. Горы как будто настигают человека, нависают над его головой своими седыми вершинами. Кажется, что содрогается земля под тяжкой поступью тысячелетних обитателей этого пустынного острова.

Но приходит утро, и ландшафт приобретает обычный облик. Неподвижны и безгласны каменные громады. Покорные, они позволяют облакам отдыхать на их сгорбленных спинах.

Угрюмы в своем вечном молчании горы острова Врангеля. В обрывах, у подошвы гор, где снег залеживается годами, устраивает себе зимнюю снежную берлогу белый медведь.

Еще до высоты 400 метров то там, то здесь из-под каменной россыпи выглядывает цветок или былинка, пробежит у ног вездесущий лемминг. Но выше этого предела можно встретить только мертвый камень, изредка покрытый седым лишайником. Даже черный ворон и полярная сова не смеют гнездиться на вершинах. Верхний пояс гор не привлекает к себе ничего живого. Здесь почти никогда не бывает затишья. Здесь царство камня, ветра и холода.

Неустанной работой ветра, воды и мороза медленно, но верно разрушаются твердыни, на первый взгляд кажущиеся незыблемыми. Вершины и склоны гор почти сплошь покрыты развалами горных пород. Перед всесильным временем не могут устоять ни граниты, ни плотные кристаллические сланцы. Лишь кое-где над россыпями высятся скалы и гребни причудливой формы — остатки некогда стоявших на этом месте утесов. Грандиозные кары и цирки на северных, восточных и южных склонах свидетельствуют о былом оледенении, когда мощные ледники, зарождавшиеся в горах, выходили по долинам рек в область тундры и спускались к морю.

Реки острова оказались немноговодными. Беря свое начало с окраинных цепей или с центрального горного узла, они спешат к морю, и путь их короток: всего каких-нибудь 50—70, а то и гораздо меньше — 25—30 километров. Исключением является река Мамонтовая, впадающая в бухту Предательскую, к востоку от мыса Блоссом, и приходящая из глубины острова более чем за 100 километров.

Геологическая история острова оказалась гораздо сложнее, чем это предполагал И. П. Толмачев.

Налико не только мезозойские — верхнетриасовые — породы, но и более древние образования, по возрасту относящиеся к нижнему, среднему и верхнему палеозою. Удача всякого геолога, впервые исследующего «белые пятна», зависит от находок окаменелостей — фауны и флоры, позволяющих точно или приближенно установить возраст горных пород. Громов собрал богатую коллекцию фауны не только триаса, но и верхнего карбона.

Из сравнения с соседним Чукотским полуостровом и с низовьями реки Колымы вырисовывается геологическое прошлое Земли Врангеля.

Бивни и зубы мамонта, часто встречающиеся в тундре, подтверждают, что в недавнем прошлом остров составлял одно целое с азиатским материком, откуда и пришли на него эти животные четвертичной эпохи. Поэтому предположение И. П. Толмачева об опускании в недавнюю геологическую эпоху участка суши, занятого в настоящее время проливом Лонга, оказывается правильным. Новые данные позволяют отнести время, когда нарушилась связь между материком и Землей Врангеля, к концу третичного периода.

Еще Ф. Врангель слыхал у чукчей северного побережья Чукотки предание о том, что в давнoproшедшие годы целое племя ушло на байдарах на север. Однако до 1937 года на острове не были найдены следы древних человеческих поселений.

На вершине Советской.

И вот неожиданную весть принес охотник-эскимос Айнафак. Его охотничий участок находился на западном берегу острова, в районе горы Томас и реки Неожиданной. Однажды, как обычно, он облезжал капканы. С моря шла поземка, и собаки, несмотря на понукания каора, сворачивали от берега. В конце концов они вынесли Айнафака к подошве горы. Нарта с разбега налетела на обнаженный грунт. Снега почти не было. Пришлось с большим трудом стаскивать нарту с кочкарника. И вдруг Айнафак увидел среди кочек куски дерева. Это был не плавник, а предметы, сделанные рукой человека: обломок деревянного копья, гарпиона, маленькая деревянная лопата. Айнафак осмотрелся вокруг. На небольшой ровной площадке он обнаружил выступавшие из-под земли полустгнившие бревна, поставленные стоймия. Сомнений не было — перед Айнафаком был остов разрушенного временем жилья. Но на этом месте в последние годы никто не жил. Кому бы пришло в голову строить юрту в полукилометре от берега, вдали от пресной воды. Айнафак еще раз потрогал бревна, заметил их местонахождение и поехал дальше. Виденное на берегу томило его своей непонятностью. Он поспешил на станцию к Таяну. Таян решил немедленно убедиться в правильности слов Айнафака. Ничего, что была зима, что до горы Томас и реки Неожиданной было почти 120 километров. Нахodka Айнафака требовала объяснения.

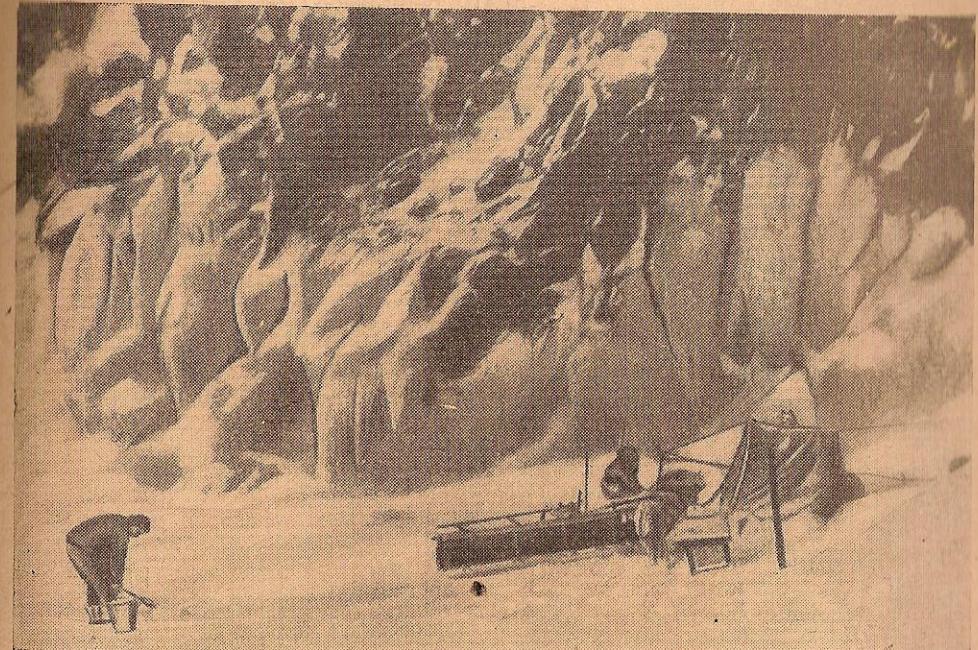
Без труда отыскав древнюю юрту, Таян и Айнафак внимательно осмотрели участок. Таяну посчастливилось найти наконечник копья из моржового клыка. Летом 1937 года загадочные развалины посетил Громов. Нужно было бы провести раскопки, но времени для этого не было, и Громов ограничился поисками на поверхности еще каких-нибудь доказательств пребывания здесь человека. Кроме находок Айнафака и Таяна, он обнаружил обломки двух копий, весло, деталь нарты, детскую игрушку из нерпичьей косточки и голубую бусинку. В толстом слое мха и травы, покрывших место, где некогда стояла юрта, больше ничего не удалось отыскать. Постройка казалась очень похожей на остатки древних чукотских и эскимосских жилищ, часто встречающиеся на побережье Чукотского моря. Повидимому, предметы обихода также сделаны руками чукчи или эскимоса.

Каждущееся странным местоположение юрты вдали от моря и реки легко объясняется тем, что море в то время, повидимому, находилось на более высоком уровне и затопляло всю современную низину.

Годом ранее в долине реки Красный Флаг Громов и Таян нашли олений рог. Рога оленя, по словам охотников, они довольно часто находили и в других местах. А ведь олений на острове никогда и никто не завозил¹. Таким образом, подтвердилось, что предание жителей Чукотского побережья содержит в себе зерно истины.

Изучая внутреннее строение того или иного участка земли, человек

¹ Можно допустить, что в суровые зимы пролив Лонга сковывается льдом полностью; в этом случае олени сами могли попасть на остров, как это делают они, переходя с Таймырского полуострова на остров Большевик, южный остров Северной Земли.

У мыса Пиллар.

всегда стремится отыскать в его недрах полезные ископаемые. Еще задолго до начала планомерного изучения берегов Чукотского полуострова они неоднократно посещались охотниками легкой наживы, надеявшимися открыть здесь второй Клондайк.

Многое изменилось с тех пор. Если раньше значок золота в ковше старателя заставлял учащенно биться его сердце, то теперь геолог с не меньшим волнением рассматривает в шлихе следы оловянного камня или вольфрамита. Проблема редких и радиоактивных элементов встала на очередь дня.

Поэтому, когда Громов обнаружил во взятых им шлифах оловянный камень, его интерес к геологии острова еще более возрос. Его поиски показали, что бесчисленное количество кварцевых жил пронизывает горные породы острова. В них часто и в больших количествах встречаются пирит, минералы, содержащие медь, свинец и цинк. Правда, ни в одном случае не удалось обнаружить промышленного скопления этих ценных ископаемых.

Геолога интересовали не только рудные месторождения. Полярная станция нуждалась в строительных материалах. Глина, песок и известняк, пригодные для бытовых нужд, были остродефицитными на острове. Завозить строительное сырье с материка было дорогостоящим

удовольствием. Геологу удалось найти неподалеку от станции хорошую глину, и эта глина явилась большим подспорьем в хозяйстве станции.

Было раннее августовское утро. Громов в сопровождении чукчи Степана заканчивал свой последний маршрут. Он направился вдоль русла восточного притока реки Мамонговой, держа курс на бухту Роджерс. На исходе были продукты и керосин. Износилась до предела обувь. Громов с сожалением оглядывался по сторонам — как много еще не посещенных им «белых пятен» осталось здесь! Неплохо было бы посетить Безымянные горы, что расположены к северу от Мамонтовых. В стороне от его маршрута остался Центральный горный узел. Но нет, уже не успеть. Надо спешить на станцию — туда скоро придет пароход со сменой.

— Леня, чайку попить бы, а?.. Гляди-ко, вода какая! — проговорил Степан, выведя Громова из состояния глубокой задумчивости.

Они шли вдоль ручья, который должен был привести к водоразделу рек Мамонтовой, Хищников и Нашей. А там вдоль реки Нашей они к ночи дойдут до полярной станции. Всего каких-нибудь 70—80 километров осталось. Многовато для одного перехода, но надо поспеть, надо дойти.

Восхищение Степана напомнило о том, что и впрямь неплохо было бы устроить привал на берегу ручья с такой прозрачной и, наверно, вкусной водой. Вот и подходящее место: холм, согретый солнцем, а километром правее высится небольшая горка. Зубчатые скалы вдоль ее вершины замыкают собой подобие цирка, открытого к северу, придавая всей горе своеобразный облик.

«Как петушиный гребешок», — подумал Громов и спросил:

— Степан, как охотники это место называют?

— Однако, Перкакун называем... Гребень, по-нашему.

— Удачно окrestили, — отозвался Громов.

Любясь окружающим пейзажем, он стал снимать с плеч тяжелый, наполненный образцами рюкзак. И вдруг острый луч, как бы отраженный зеркалом, на мгновение заставил его зажмурить глаза. Громов посмотрел на гору — солнце услужливо освещало ее крутой склон, по которому шли беловатые потоки.

— А ну-ка, пойду взгляну. Степан, ты здесь похозяйничай, а я скоро буду.

Громов пошел к подножью горы, и скоро Степан услышал постукивание его молотка. Шипя, разгорался примус, но пить и курить в одиночку Степан не хотел. Керосин был на исходе, да и табак тоже. Пищу и курево, по обычаям охотников, они всегда делили поровну. И Степан терпеливо ждал возвращения Громова. Но вот уж и чай вскипел, а Громова нет и нет.

— Ле-е-ня! — крикнул Степан.

— Е-е-о-а-а, — отозвалось эхо.

Еще и еще кричал Степан, но геолог и не думал итти на зов. Степан досадливо достал из выюка меховую рубашку, укутал ею чайник и на-

правился к горе. Громова он увидел издалека. Тот сидел на огромной глыбе, свалившейся сверху, и держал в руках что-то большое и сверкающее. У ног его среди бурого мха и лишайника нестерпимо ярко светились камни.

Степан прибавил шагу. Громов насвистывал что-то очень бравурное — верный признак хорошего настроения.

Улыбаясь, он тешился недоумением Степана. Тот поднял с земли прозрачный кристалл горного хрусталя — один из десятков, а может быть, и сотен кристаллов, лежавших вокруг. Восхищение отразилось на его лице.

— Гляди-ка, Леня, как зеркало!

Степан оторопело огляделся вокруг, позабыв и о чайнике и о том, на сколько закурок хватит еще табаку.

— Ну, давай выберем кристаллы получше, — сказал Громов. — Надо с собою взять.

День склонялся к вечеру, когда оба путника, усталые, но довольные, спустились вниз к ручью.

— Назовем этот ручей Хрустальным, — предложил Громов. — И вода здесь хорошая, и хрусталь налицо...

На горе были найдены кварцевые жилы, содержащие цинковую обманку и медные минералы, а также многочисленные хрустальные «щетки». Отдельные кристаллы, вывалившиеся из своих гнезд, были велики и очень чисты.

Громова сначала обуяла досада: ведь нужно же было натолкнуться на это сокровище только теперь, когда в его распоряжении остались считанные минуты! К вечеру он успокоился: ясное дело, он вернется сюда. Теперь уж наверняка вернется.

Пароход, доставлявший на остров новую смену, должен был вывезти на Большую Землю старого начальника Долгого, геолога Громова, Степу Семенова и многих других.

Когда покидаешь места, с которыми связан не только силой долга или привычки, но и тем, что здесь оставляешь кусочек своей жизни, насыщенной творческими исследованиями, горечью ошибок, радостью откры-

Триангуляционный знак на горе
Перкакун.

тий, тогда эта разлука не может пройти безболезненно. Конечно, тоска по родным лицам и местам, по семье живет в каждом полярнике. Поэтому вдруг необычайно зовущей и обещающей становится морская даль. Но вместе с тем каждый отъезжающий, выходя поутру на крыльце, с особенным вниманием оглядывается вокруг. Как-то вдруг ощущалась притягательная сила привычных предметов. Хотелось лишний раз подойти к складу, именно к тому углу, где лист железа прибит твоей рукой, лишний раз навестить метеоплощадку. Здесь царил порядок. Белизна столбов и будок ослепительна. Но метеоролог ходил с молотком и кистью в руке: там прибьет, там подкрасит...

Самым трудным было расставаться с людьми. Не покидало чувство какой-то неловкости. Вместе прожито долгих два года.

Как и всегда на протяжении этих лет, к полярникам в комнаты забегали дети. И, как всегда, с ними разговаривали, оделяли конфетами или, когда были заняты, приказывали сидеть тихо-тихо. И они сидели и смотрели с ожиданием. Но сейчас в вашем углу уже не стало уюта. На стене белеет пятно на месте бывшей здесь любимой фотографии. Эта фотография любима не только вами, она нравилась и маленьким гостям. Книжная полка пуста. У дверей стоит обшитый холстом чемодан. И дети, робея, не задают вам вопросов, — они только переводят глаза с одного предмета на другой, и эти глаза не по-детски серьезны, и ве-

В среднем течении реки Неожиданной.

Лагерь Хрустальный. Обед на воздухе у домика экспедиции.

сальная ваша шутка не вызывает, как бывало, ответного смеха или улыбки.

Еще зимой, еще задолго до отъезда стала ощутимой эта неизбежность разлуки.

В один из январских вечеров к Громову зашла Инкали. Несмотря на свои шестьдесят лет, она начала обучаться арифметике и успешно овладевала трудностями счета. Громов втайне дивился ее настойчивости и охотно отдавал ей многие свои вечера. В минуты отдыха между двумя задачами Инкали любила поделиться с Громовым своими мыслями, надеждами и воспоминаниями. Трудная и долгая ее жизнь, многие печали и заботы не состарили ее пытливый ум. Таян был достойным сыном своей матери. От нее он унаследовал ценнейшую черту характера — настойчивость в достижении цели. Оба они гордились друг другом.

В тот вечер зашел разговор сначала о Таяне, а затем о семье Громова. Инкали внимательно рассматривала фотографии. Дошла очередь до маленького сынишки Громова.

— Какой хороший Леня-макистах (маленький)! Ай-я... Скучаешь? Видеть хочешь?

— Конечно, Инкали. Ну, да ведь теперь уж недолго ждать осталось.

Лицо Инкали неожиданно затуманилось. Она долго сидела, опустив глаза. Громов подумал, что она вспомнила о своей дочери, вышедшей замуж за приезжего русского и уехавшей с ним на материк. Но Инкали неожиданно подняла глаза, полные слез, — ее редко кто видел плачущей, — и сказала:

— Жалко, пароход придет — уезжать будешь...

Громов понял. Для него остров — лишь эпизод. А для Инкали — это вся жизнь. И зная, что близок предсказанный конец, она дорожит каждым человеком, которого могла считать своим другом. Она привязалась к Громову, относилась к нему, как к сыну. Но это не сын, это гость. Сегодня он здесь, а завтра...

Громов поспешил угешить Инкали:

— Далеко еще, Инкали, до отъезда. Я еще думаю вернуться сюда, скоро вернуться.

— Как далеко — все равно близко, — тихо сказала Инкали, перебирая пальцами концы платка.

И такая покорность судьбе слышалась в ее голосе, что Громов не посмел ничего сказать. Разве удержишь море, когда оно ломает ледяные оковы? Большое чувство не нуждается в многословии.

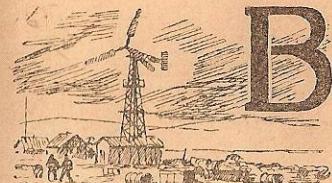
Овладев собою, Инкали улыбнулась, встала и начала поспешно одеваться. Она ушла, попрощавшись с Громовым взглядом печальных черных глаз.

И в тишине полутемной комнаты долго еще звучали слова:

— Как далеко — все равно близко...

ГЛАВА XVIII

ТАЯН — НАЧАЛЬНИК ОСТРОВА (1938)

B

КАЧЕСТВЕ начальника острова и полярной станции осенью 1937 года на остров Врангеля возвратился Петров.

Зимовка 1937/38 года протекала тихо. Это была как бы передышка после минувших лет напряженной деятельности и больших потрясений. Шли дни, недели и месяцы налаженной жизни. Немало было и стахановских декад, авралов, охотничих слетов, тихих долгих вечеров, отдаленных воспоминаниям или оживленным собраниям, когда коллектив сообща разрешал очередные вопросы.

Самым большим событием явилась постройка ветродвигателя. По-одаль от станции выросла вышка с мельничными крыльями, пока что бездеятельная, так как для пуска ветряка нехватало кое-каких деталей.

Ветер — частый гость на острове. Чаще всего он приходит с севера, северо-запада, реже с северо-востока, достигая нередко силы урагана. Со скоростью до 40 метров в секунду ветер проносится над песчаными косами и скалами берега, над Центральными горами острова, сметает снег, мелкие камни, гальку, катит бочки с бензином весом в 180 килограммов, иной раз валит на землю человека. В такой ветер беспомощны собаки на льду. Ветер гонит их до тех пор, пока какое-нибудь препятствие не остановит их вынужденного бега.

Самые сильные и постоянные ветры дуют зимой, с ноября по февраль. Нередко в дальний путь нельзя выехать целыми месяцами. Пурга или поземка не дают и шагу сделать. Средняя годовая скорость ветра — 5,2 метра в секунду. Безветреные дни на острове — большая редкость и запоминаются наравне с какими-нибудь выходящими за рамки обычного событиями.

Когда через год удалось запустить ветряк, он позволил сэкономить не много, не мало — 95 процентов горючего, затрачиваемого раньше на движок, заряжающий аккумуляторы.

В маленьком островном поселке случались и радость и горе.

Станция отпраздновала свадьбу Тамары — она вышла замуж за служащего фактории Сашу Еремеева. Теперь они вместе дружно мечтают о поездке в Москву.

А в домике Поповых царила печаль: восемнадцатилетний сын их Николай заболел менингитом и ослеп. Со временем юноша научился узнавать людей по походке, по тысяче мелочей, подсказанных ему памятью и слухом. Он угадывал предметы прикосновением руки. Часто он подзывал к себе собак по имени и, поглаживая их, привыкал отличать каждую по густоте шерсти, по особенностям повадки.

Усилия доктора облегчили участие юноши ни к чему не привели. Но Коля не изменял своим привычкам. Сестра, воспитанница интерната, следила за чистотой его одежды. Друзья часто читали ему вслух. Нередко его можно было встретить на прогулке опирающимся на плечо какого-нибудь малыша, с застывшей на губах улыбкой, с широко открытymi чистыми карими глазами, устремленными вдаль, поверх голов встречающихся по пути людей.

Зима 1937 года была отмечена исключительно удачной охотой. Вместо обычных 300—350, охотники добыли 750 песцов. Когда весной Таян принял сушить шкурки, глаз нельзя было отвести от волнуемого ветром, согретого солнцем пушистого белоснежного богатства, развесованного на веревках, протянутых между домами.

На фактории царило оживление: охотники рассчитывались со стационарными долгами, закупали необходимые вещи и продукты.

В эту же зиму на острове произошел анекдотический случай, который надолго вошел в историю острова. С тех пор, вспоминая какое-нибудь событие, врангелевцы говорили: «Это случилось в тот год, когда нашли мамонта».

Кто первый открыл «мамонта»? Вначале первооткрывателей было более чем достаточно. Но потом, когда эта история приобрела довольно

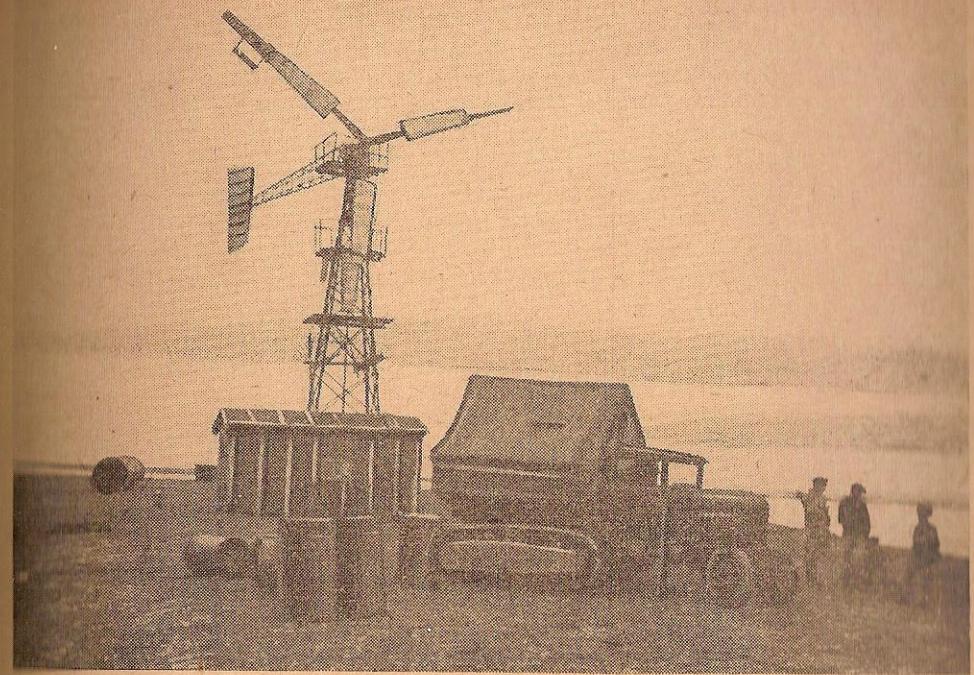
скандальный характер, этот «следопыт» скромно и своевременно ушел в тень.

Мамонт оказался китом, самым обычным китом. По неизвестным причинам он был вынужден расстаться с жизнью и волнами Чукотского моря был выброшен на песчаную отмель южного берега острова Врангеля. Со временем песцы порядочно обгладали хвост покойника, а осенние штормы погребли его под толстым слоем песка и гальки. Безвестные останки долго лежали на пустынном берегу, пока некто,ехавший на собаках мимо этого места, не остановился в раздумье перед песчаным холмом, под которым угадывались очертания громадного животного. Из-под песка выступала бурая потрескавшаяся кожа. Путнику почудилось: вот хобот, вот ноги... Ба... Мамонт!..

Рассказывают, что этот некто вернулся на станцию в большом возбуждении и немедленно побежал на радио. В Москву полетела экстренная телеграмма, отправленная под большим секретом. Впрочем, на следующий день счастливый обладатель тайны разболтал ее зимовщикам. К останкам кита потянулась вереница нарт.

Приехали... Осмотрели... Хотели было начать раскопки, но в это время из Москвы пришла телеграмма: не трогать мамонта до приезда специалистов. И не тронули.

Кит дождался навигации, дождался дня, когда с великими предсто-

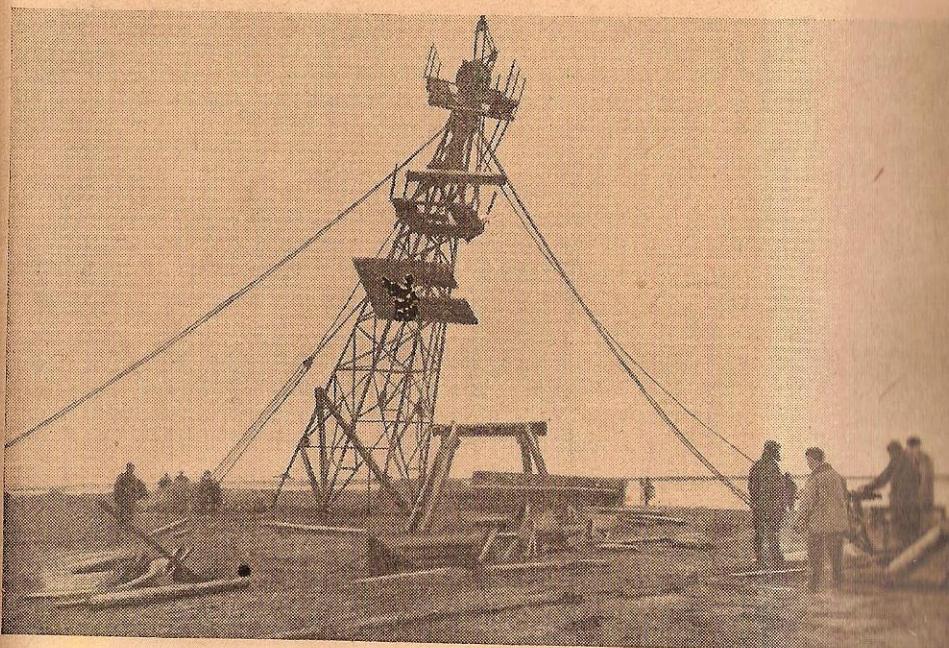

Ветряк заработал...

рожностями он был освобожден от нацосов группой ученых, специально приехавших из Москвы. Почему бы им было не приехать! Ведь был же в свое время обнаружен мамонт на Березовке. И почему бы не повториться этому событию именно на острове Врангеля, где бивни и зубы мамонта находили неоднократно!

От великого до смешного поистине один шаг... Трудно описать разочарование, постигшее взволнованных исследователей. Говорят, гомерический хохот огласил окрестности. Кит явно чувствовал себя человеком, но в силу понятных и к тому же уважительных причин не мог ни уплыть, ни провалиться сквозь землю. Он лежал, обглоданный и беззащитный, на потеху всему острову. Те же злые языки болтают, будто бы когда ученые пришли в себя и, оттерев веселые слезы, осмотрелись вокруг, они оказались одни у опозоренного праха. «Первооткрывателя» и след простыл.

Но нет худа без добра. Научные работники Академии наук СССР за короткое время своего пребывания на острове собрали богатый и интересный материал по его растительности. Кроме того, геолог Р. Ф. Геккер и геоморфолог К. К. Марков совершили маршрут в район Центральных гор, взошли на пик Берри и пополнили наблюдения, сделанные ранее Громовым.

Подъем ветряка в бухте Роджерс. Осень 1937 г.